

Пятигорского пехотного полка, расквартировавшегося в Березе в 1866 году, а из-за того, что кирпич был красного цвета, казармы впоследствии получили название Красные.

В данный момент монастырь находится в плачевном состоянии, но уже началась подготовка к его восстановлению, после чего он может стать прекрасным объектом туризма, который сейчас активно развивается на Беларуси.

Литература

1. *Слюнькова И. Н.* Монастыри восточных и западных традиций. М.: Прогресс – традиция, 2002.
2. *Габрусь Т. В.* Мураваныя харалы: сакральная архітэктурна беларускага барока. Мн.: Ураджай, 2001.
3. *Кулагін А. М.* Каталіцкія храмы на Беларусі: энцыклапедычны даведнік. Мн.: БелЭН, 2000.
4. *Кнырэвіч С. М.* Березовский кляштор в вопросах и ответах // Маяк. 2007. № 202–203.
5. *Квітніцкая А. Д.* Кляштар у Картузскай Бярозе // Помнікі гісторыі культуры Беларусі. 1973. № 4.
6. *Варавва А. Г.* Этюды о Беларуси. Мн.: Минсктиппроект, 2002.
7. *Козлович В.* От монастырских стен начинался город Береза // Брестский курьер. 2000. № 45.
8. *Гарбачова В. В.* Паўстанне 1830 – 1831 гадоў на Беларусі. Мн.: БДУ, 2001.

КОНТРАКУЛЬТУРА И ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ СТУДЕНЧЕСТВА

А. О. Коршикова

Контракультура, являясь одним из наиболее неоднозначных явлений в культуре, проявила себя не только в области молодежных субкультур, визуальных искусств, идеологии, но, также и в политической сфере. В это время появляются т.н. «новые левые» и «новые правые», которые понимали необходимость привлечения на свою сторону студенчества, которое перестало быть аморфной массой. Цель статьи выделить основные факторы, которые оказали влияние на формирование политических взглядов студентов Западной Европы во второй половине XX века и объяснить причины, по которым именно «новое левое» движение получило наибольшую популярность среди студенчества.

Прежде чем приступить к анализу политических и социальных событий, которые могли повлиять на развитие «новых левых» и «новых правых», необходимо обратиться к самой контракультурной личности в более широком смысле. На лицо связь сознания контракультуры как такового и нонконформизма студенчества этого периода.

В основе определения этой личности лежит концепция «негативного тождества» Э. Эриксона [6, с.118]. Однако реальное представление о психологических особенностях данного индивидуума содержит концепция М. Йингера. Последний, на основании эриксоновской концепции делает вывод о том, что личность находится в стадии установления определенных отношений с обществом. Любое ее желание (карьерный рост, экономическое благосостояние, определенный социальный статус) сопровождается установлением с обществом определенной связи. Однако когда мы имеем дело с человеческим типом, который не смог реализовать себя в тех или иных рамках, ему приходится, делает выбор относительного своего дальнейшего существования. Здесь все снова сводится к идее экзистенциализма, в рамках которой человек и совершает свой выбор. По мнению М. Йингера, этот индивид имеет два пути: он может жить как человек «незаметный», другими словами, навсегда потерять возможность самореализации, а может пойти по пути «антигероя», т. е. положить начало новому типу мышления, жизни и ценностей. Таким образом, появляется не только определенный человеческий тип, который существует в рамках другой «альтернативной» культуры, но этот тип по средствам своего бытия формирует эту новую культуру.

Однако существует и другая концепция контркультурной личности. Она принадлежит советским ученым Ю.Н. Давыдову и И.Б. Роднянской [2]. Контркультура моделирует совсем иную личность с другими отличительными чертами. Если в йингеровской концепции индивидуум является активным началом, т. е. пытается и прилагает все усилия, чтобы найти для себя место в общественной структуре, пусть и альтернативной, то в советской концепции этот индивид является абсолютно пассивным. Эта личность отличается полным отсутствием воли, способности к самоутверждению и самоопределению. По мнению Давыдова и Роднянской [2, с.9], в контркультуре вообще не существует такого понятия, как воля. В психологии контркультуры происходит установка на «размытую, аморфную, растекающуюся и хаотическую чувственность», т. е. личность является слабой и инфантильной.

В результате, перед нами предстает очень неоднозначная картина. С одной стороны мы имеем дело с инфантилом, неспособным на решительные действия, а с другой – личностью, обладающей гипертрофированной активностью и способностями. В целом, контркультурная личность это действительно те, кто не смогли вписаться в существующий строй, те, кто несли дисфункцию с точки зрения структурного функционализма (хотя это и отрицал его главный теоретик

Т. Парсонс [7, с.39]). В тоже время, именно они укрепляли существующую общественную систему.

Все это приводило к тому, что индивид, имеющий определенные психо-эмоциональные особенности, исходя из своих убеждений, выбирал определенную политическую ориентацию. Его политические устремления в конце 60-х гг. формировались под влиянием новой, свежей культуры. Во всём мире шёл протест против истеблишмента, против конформизма старшего поколения и его веры в прогресс. Причем этот протест проявлялся и в политической форме. Студенчество уже не являлось аморфной массой, которая просто жила ожиданием того момента, когда сможет стать частью истеблишмента. Таким образом, у молодежи появилось желание активного участия в жизни всей системы общества. И, в первую очередь, политической. Однако среди студенчества не существовало единства в вопросах политической ориентации. Часть из них поддерживала идеи «новых левых», а часть «новых правых».

«Новые левые» выступили с резким неприятием капиталистического мира, буржуазного образа жизни, буржуазности как таковой. Это была не просто критика, а открытый бунт против этого общества с чисто левацких позиций. Однако реальной идеологии они не имели. Важнейшим комплексом идей и понятий «новых левых» является контркультура. Все они считали себя в первую очередь не членами какой-либо организации, даже не революционерами, а частью мира контркультуры. Поэтому эстетические, художественные, творческие составляющие деятельности «новых левых» для них не менее важны, чем политическая составляющая. Фактически, эта идея зародилась еще в трудах Г. Маркузе [1, с.134], где он писал: «Если контркультура не будет связана с революционной политической практикой – она вырождается в еще одну форму эгоизма..., в бегство от действительности... Такая форма Отказа не помешает системе существовать и исправно функционировать...». Теоретики «новых левых», Г. Маркузе и Т. Роззак, как и само это движение, отражали наступление кризиса индустриального этапа цивилизации, который дал о себе знать во второй половине 70-х годов. Этот кризис воспринимался ими сквозь призму кризиса культуры и получал чисто апокалиптическое звучание. Человек в этих условиях превращался в маленький атом, того кто был неспособен повлиять на ход событий. Он находился один на один с официальной идеологией, которая была призвана уничтожить в нем остатки индивидуальности. «Новые левые» – это бунт против превращения человека в «одномерное существо», это выявление потребности в

свободном гармоничном развитии личности, в неотчуждаемом процессе творчества. В то же время это движение отражало широко распространенную иллюзию – достаточно осознания проблем общества, выражение протеста против этой ситуации и провозглашения тотального отказа от него во имя утверждения нового образа жизни, нового качества жизни, новой культуры. По словам одного из исследователей Э. Баталова [1, с.115], «социальная реальность» в трактовке «новых левых», предстает как весьма пластичная, поддающаяся любым манипуляциям со стороны «сознательного» деятельного субъекта.

Что касается «новых правых», то, как отмечает Р.В. Кабышев [3, с.39], они лишь начали оформляться как движение в конце 60-х гг. Они поставили задачу завоевания культурной власти над обществом как необходимого условия, предшествовавшего захвату власти политической. Лишь в 1972 г. была создана полноценная организация «новых правых» в ФРГ – «Акция новых правых», которая уже в 1974 г. распалась на ряд групп. Что же касается Франции, то в ней термин «новые правые» появился только в конце 1970-х гг., уже после того, как Аллен де Бенуа и группа его единомышленников успели завоевать себе громкое имя. «Новые правые» выступали за элитарность высшего эшелона не только власти, но и всего общества в целом, но эта элитарность носила другой характер, нежели классическая идея «избранности власти».

По мнению идеологов «новых правых» необходимо создать новый тип человека, соответствовавший идее биогуманизма, т. е. генетически закодированной в человеке потребности в природе, где человек возник как вид. В нем должны были нормально восприниматься животные составляющие. Как отмечает исследователь Б. Кепеци, именно ему было предоставлено право решать судьбы большинства. Несмотря на всю естественность, правые считали невозможным и, более того опасным, равенство. С точки зрения идеологии «новых правых» только элита могла управлять. Это была ее главная задача. Прослойка людей приобщенных к природной естественности, должна была преобразовывать общество и допускать реформы, которые были бы необходимы для поддержания стабильности в обществе.

Таким образом, контркультура создала новую социальную группу, которая была переполнена «антигероями», каждый из которых стремился изменить существующую реальность под себя. Оказавшись на переломе культурных эпох, в ситуации, когда массовость постепенно изживала себя в своем первоначальном виде, они положили начало новой эпохи. Через 10 лет, у нового поколения уже была схема действия, алгоритм

своей социализации. В ее рамках они не желали оставаться аморфной массой, которая ожидала, когда пробьет ее час. Оно хотело творить и чувствовать себя на вершине мира. Необузданное творчество, космополитизм, равенство, «полная незанятость», т. е. возможность заниматься тем, что хочется, без искусственно созданных рабочих мест, – все это вмещала в себя идеология «новых левых». Это было возможно в рамках троцкизма, маоизма, марксизма и многих других коммунистических «измов». Синтез политических и культурных установок движения «новых левых» полностью соответствовал психологическому типу студенчества. Таким образом, сам тип контркультурной личности и культура, которую она породила, создали все предпосылки для победы «нового левого» движения в 60-х гг.

Литература

1. Баталов Э. Я. Философия бунта / Политиздат. М., 1973. С. 155.
2. Давыдов Ю. Н., Роднянская И. Б. Социология контркультуры / Наука. М., 1980. С. 8–10.
3. Кабешев Р. В. «Новые правые» на марше: Франция...далее везде?- Нижний Новгород, 1999 г. С. 39.
4. Кёнеци Б. Неоконсерватизм и «новые правые» / Политиздат. М., 1986. С. 75.
5. Маркузе Г. Одномерный человек. Исследование идеологии Развитого Индустриального Общества / МГУ. М., 2002. С. 318–319.
6. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис / Прогресс. М., 1996. С. 118.
7. Parsons T., Plati G. Higher education and changing socialization. – In: Aging and society: A sociology of age stratification / Ed. M. Riley M. Jonson, A. Foner . New York, 1972. P. 43–45.
8. Roszak T. Where the Wasteland Ends. Politics and Transcendence in Postindustrial Society. N.Y., 1973. P. 174–177.

МОЎНЫ АСПЕКТ У ДЗЕЙНАСЦІ УНІЯЦКАЙ ЦАРКВЫ (1596–1839)

Я. А. Лаўрэнка

Калі звярнуцца да пытання культурнастваральнага боку дзейнасці уніяцкай царквы, перад намі паўстане адразу ж некалькі накірункаў гэтай сферы, якія маюць вялікую цікавасць, бо з’яўляюцца феноменальнай з’явай у гісторыі беларускага народа. Гэта адукацыйная дзейнасць царквы, распрацоўка ўласнага сакральнага мастацтва, сярод якога можна вылучыць жывапіс (іканапіс), скульптуру, архітэкттуру, а таксама ўласнае музычнае майстэрства. Дадзены артыкул прысвечаны пытання моўнай палітыкі уніяцкай царквы на працягу яе існавання, яе ўнёсак у развіццё і захаванне беларускай мовы, а таксама кнігаведавецкай дзейнасці як складаючай часткі моўнай палітыкі царквы і яе асветніцкай дзейнасці.